

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА ИМ. В. В. ВИНОГРАДОВА РАН

СЛОВА, КОНСТРУКЦИИ И ТЕКСТЫ
В ИСТОРИИ
РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Сборник статей к 70-летию академика
А. М. Молдована

Нестор-История
Санкт-Петербург – Москва
2021

А. А. Гунпиус

Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Институт славяноведения РАН
(Москва, Россия)

ОЛЬТАРЬ ПЛАМѢНЪ,
А ЦЪРЬКЫ ЛЕДѢНА —
ЧЬТО ЖЕ ТО?*

С. М. Михеев

Институт славяноведения РАН
Школа актуальных гуманитарных
исследований РАНХиГС
(Москва, Россия)

В южной части внешней западной галереи Софии Киевской находится небольшой придел, прилегающий с севера к юго-западной лестничной башне собора. Обыкновенно данный придел называют *крещальной*, ср. [Лифшиц 2006]. Слева от апсиды придела по фресковой штукатурке XI в.¹ процарапана надпись, получившая в издании С. А. Высоцкого № 73²:

**ольтарь пламан[ъ]
а църкы ледана и ольта-
рь погаснетъ и църкы [ро]ѣ
стаеть :· ~**

* Статья подготовлена в рамках поддержанного РФФИ проекта № 17-29-09015 «Новые источники по истории русского языка и письменности: Публикация, историко-филологический анализ и дигитализация древнерусских текстов».

¹ Согласно В. В. Корниенко, надпись находится на фресковом изображении св. ап. Марка.

² Здесь и ниже мы используем следующие условные обозначения: в квадратных скобки помещены не полностью сохранившиеся буквы, которые восстанавливаются неоднозначно, в круглые скобки — чистые конъектуры, дефисами обозначаются утраченные буквы или буквы, остатки которых не позволяют сделать выбор между возможными вариантами прочтения (количество дефисов соответствует вероятному количеству таких букв), а отточием — неизвестное количество непрочитанных букв. В угловых скобках даются нормализованные записи.

Насколько нам известно, эта надпись публиковалась С. А. Высоцком и В. В. Корниенко по два раза, с незначительными разночтениями³.

По методике А. А. Зализняка [2000; 2015], граффито можно датировать интервалом [1160–1200]⁴.

Надпись сделана человеком, не чуждым книжности: он к месту использовал букву *ѣ* и обозначил конец текста тремя точками с тильдой. В. В. Нимчук [Німчук 1988: 29–30] предложил считать этот текст стихотворным. Вслед за ними называют текст граффито ритмизованным Т. В. Рождественская [1992: 20] и последний издатель надписи — В. В. Корниенко.

Перевод надписи очевиден и не вызывает сомнений: ‘Алтарь пламенный, а церковь ледяная. Алтарь погаснет, и церковь растает’. Между тем, определение ее смысла вызвало споры среди исследователей. Б. А. Рыбаков [1963: 120, прим. 63] соотнес граффито с находящимся слева от него рисунком, который он трактовал как изображение иордани — конструкции изо льда, сооружаемой во время крещенских праздников. На рисунке (№ 72 по нумерации С. А. Высоцкого) изображен шестиконечный крест с традиционными подписями, стоящий на массивном прямоугольном постаменте-престоле, который разделен одной горизонтальной и тремя вертикальными прямыми на восемь квадратов с вписанными в них отдельными буквами⁵. На постаменте стоят свечи (?): по одной длинной и по две ко-

³ [Высоцкий 1962: 160–161, 180 (табл. XV: 1), 182 (табл. XVII); Высоцкий 1966: 109, табл. LXVII–LXVIII, № 73; Корниенко 2009: 238–241; Корниенко 2016: 47, 129 (табл. XXVII: 1), № 73]. От транскрипции в своде В. В. Корниенко [Корниенко 2016] наша транскрипция отличается в следующих пунктах: конечный *ѣ* в *пламан[ѣ]* в 1 строке (у В. В. Корниенко — *пламны*), и *цѣркы* в 3 строке (у В. В. Корниенко — *ги церкви*).

⁴ Датирующие признаки: *a* 1 «покрытие» <1320 (<1280)», *a* 7 «удлиненная спинка» <1200 или 1420> (?), *z* 1 «выступ вверх» (<1200), *л* 1 «покрытие» <1360 (<1280)», *p* IVa «углом вниз (криволинейные)» 1160> (1240)>. Показательно и двукратное *ольтарь* с неорганическим редуцированным.

⁵ В обеих строках получившейся таким образом таблицы буквами заполнены по три ячейки: правый столбец оставлен пустым. Верхняя строка содержит буквы *ї*, *л* и *ю* (слева направо), а нижняя — *л*, *ї* и *ю*. О значении этих букв никаких предположений до сих пор высказано не было. По нашему мнению, обоснованию которого будет посвящена специальная работа, последовательность *їлю* представляет собой адаптированную к славянской фонетике запись одного из вариантов греческой транскрипции библейского Тетраграмматона — *ιαου*.

ротких с обеих сторон от креста. Непосредственно под постаментом находится надпись с молитвой о некоем Даниле (№ 74). Этого Данила Б. А. Рыбаков отождествил с Даниилом, который, согласно «Повести временных лет», был поставлен юрьевским епископом 6 января 1114 г., на праздник Крещения (чем, согласно исследователю, объясняется и изображение крещенской иордани). Предложенную Б. А. Рыбаковым трактовку рисунка и надписи о пламенном алтаре принял С. А. Высоцкий [1966: 109].

В свою очередь С. К. Росовецкий высказал предположение, что надпись о пламенном алтаре является загадкой с отгадкой «свеча». «Таинственный “Даниило”, которому принадлежит и написанное под рисунком молитвенное граффито, таким образом прокомментировал одну из его деталей — изображение свечей на престоле “Иордани”», — пишет исследователь [Росовецкий 2008: 50]. При этом С. К. Росовецкий добавляет, что «автор граффито, несомненно, был церковным человеком, так как припомненная (или придуманная) им загадка построена на метафорическом осмыслении атрибутов христианского культа» [Там же].

В. В. Корниенко, справедливо отметив, что молитва о Даниле и подписи к рисунку выполнены почерком, отличным от почерка граффито об алтаре и церкви, связал последнее с другим изображением в том же компартименте собора — расположенной на северной стене придела фреской, изображающей Сорок Севастийских мучеников. Исследователь предложил рассматривать граффито как «нравоучительное стихотворение», основанное на центральном эпизоде «Страдания святых Сорока мучеников», в котором один из подвергнутых мучению воинов-христиан, не выдержав стояния в замерзающем озере, бросился в разожженную на берегу баню, но, ощутив теплоту, растаял и пал мертвым. Ледяная церковь, по мысли В. В. Корниенко [2009: 239], «символизирует тела святых мучеников: “... когда холод достигал крайней лютости, ... тела святых леденели”», — цитирует исследователь современный пересказ «Страдания» в редакции Дмитрия Ростовского. Пламенный алтарь, по мнению В. В. Корниенко, — это «Божественный свет, который снизошел с неба на мучеников, <...> “рассеял холод, растопил лед и согрел воду”» [Корниенко 2009: 239]. Эта интерпретация, на наш взгляд, искусственно привязанная к агиографическому эпизоду, содержит элемент, на который стоит сразу обратить внимание, — упоминание новозаветной концепции тела как храма Господня (1 Кор. 6: 19: «Не знаете ли, что тела

ваши суть храм живущего в вас Святого Духа»; 2 Кор. 6: 16: «ибо вы — храм Бога живаго»).

В статье 2013 г. о двух надписях из Новгорода и Новогрудка, представляющих собой загадки, мы указали, что «очевидной загадкой по своей структуре» является и киевское граффито № 73 [Гиппиус, Михеев 2013: 86]. Отгадку к этой загадке мы на тот момент уверенно назвать не могли и не были знакомы с работой С. К. Росовецкого. Д. С. Глебова [2015] согласилась с предположением о том, что киевское граффито — это загадка, и привлекла несколько параллелей к ее тексту: «Сказание Анфилога царя о святой литургии», в котором говорится, что во время евхаристии церковь становится ледяной, а алтарь — огненным, несколько текстов, в которых фигурирует пламенный алтарь, а также «Сказание о Макарии Римском» (иначе — «Слово о трех монахах») с упоминаниями ледяной церкви. По ее мнению, киевская загадка «обладает сложной структурой, являясь результатом синтеза нескольких компонентов разного происхождения. Так, — пишет Д. С. Глебова, — “пламенный алтарь” восходит к толкованиям на литургию. “Ледяная церковь” — вероятно, к Сказанию о Макарии Римском, где этот образ возникает под влиянием Апокалипсиса» [Глебова 2015: 87].

Предположение о том, что перед нами загадка, окончательно подтвердилось, когда был обнаружен второй вариант того же текста в ранее не прочитанной записи в цветной триоди XI или XII в. из новгородского Лазарева монастыря. Приписка на обороте последнего листа, непосредственно после основного текста рукописи, имеет следующий вид⁶:

Ги помо(з)и рабоу своѣмоу (-)р[а]----[іѹ]моу [::]_†
 Ольтарь плам[ѣ]н[ъ] а цѣрькы лѣдѣна : ожь [о]ѣ
 лтарь оугаснь [: то] и [цѣрь]кы растает[†] : ·
 чьто [ж]ь то

Данная запись заинтересовала И. И. Срезневского [1882: стб. 42]: «Она писана тем же писцом как и вся рукопись и занимает четыре строки; но к сожалению вся почти выцвела или, вернее, вычищена. Впрочем, на первой строке можно прочесть: | Ги помози рабоу своѣмоу.....

⁶ РГАДА, ф. 381 (Син. тип.), № 138, л. 173об. Полная фотокопия рукописи доступна на сайте РГАДА (URL: http://rgada.info/kueh/index2.php?str=381_1_138). О рукописях из Лазарева монастыря см. [Михеев 2019].

далее, вероятно, следовало имя писца»⁷. Нам не известно об иных попытках прочтения данной записи⁸.

Нижняя крышка переплета триоди не сохранилась, поэтому оборот последнего листа серьезно пострадал. Одним из затертых участков записи является конец ее первой строки с именем автора. Удовлетворительного прочтения или реконструкции для этого места у нас нет. В остальных случаях утраты поддаются прочтению с помощью сопоставления с текстом киевского граффито.

Вопреки мнению И. И. Срезневского, почерк приписки отличен от почерка писца основного текста⁹. Буквы *г* и *о* в начале первой и второй строк записи выполнены в виде малых инициалов, подобных малым инициалам основной части рукописи. Впрочем, в отличие от малых инициалов профессионального писца триоди, буква *о* здесь выполнена упрощенно — в виде двух овалов, вписанных друг в друга.

Автор записи пользовался бытовой орфографической системой. В стандартизированном виде загадка имела бы вид: «Ольтарь пламѣнь, а църькы ледѣна. Оже ольтарь угаснетъ, то и църькы растаетъ. Чьто же то?» ‘Алтарь пламенный, а церковь ледяная. Если алтарь погаснет, то и церковь растает. Так что это?’.

Непосредственно под загадкой находится запись, выполненная уверенным, но некнижным почерком человека, привычного к письму на бересте:

**Бестрой ѱль грѣшьныи хоуди хъ
трои ох монѣ грѣшьникоу
песахъ се азъ коли поцанааса**

Запись Бесстроия дана без перевода в работах И. И. Срезневского [1882: стб. 42] и А. А. Покровского [1916: 76], в каталоге рукописей ЦГАДА 1988 г. [Каталог ЦГАДА: 50] и у Л. В. Столяровой [2010: 186].

⁷ Пунктуация И. И. Срезневского сохранена.

⁸ В «Сводном каталоге» 1984 г. и в каталоге рукописей ЦГАДА 1988 г. описание данной записи И. И. Срезневским ошибочно отнесено на счет несохранившейся записи на бывшем листе 155об. из ныне утраченной тетради триоди [СК XI—XIII: 87; Каталог ЦГАДА: 51].

⁹ Большая часть этой записи и вся запись Бесстроия, о которой пойдет речь ниже, посинели от воздействия какого-то реактива. Возможно, это дело рук И. И. Срезневского. Изначальный цвет чернил первой записи близок к цвету чернил основного текста рукописи.

Имя автора записи — *Бестръи* в стандартной орфографии — представляет собой сочетание приставки *без-* с термином родства *стрыи* (*стръи*) ‘дядя по отцу’ и входит таким образом в один ряд с именами *Безуи* и *Бездьдъ*.

При снятии эффектов бытовой орфографии прочитываемая без затруднений часть записи имела бы вид: «Бестръи пьсаль гръшьный, худьи, хытръи. Охь мьнѣ гръшьнику! Пьсахъ се язъ, коли...», то есть ‘Бесстрой писал грешный, плохой, хитрый. Горе мне, грешнику! Я писал это, когда...’. Последовательность *поцаналася* наши предшественники трактовали как одно слово. В таком случае в нем можно видеть лишь записанное с одной ошибкой (предвосхищение гласного следующего слога) и отражением цоканья причастие *починалася*. Эту словоформу можно было бы соотнести с уставным указанием «починается Триодь...» и считать, что запись была сделана тогда, когда начиналась служба по Постной триоди. Однако синтаксис фразы выглядит при такой интерпретации ущербным: условия для появления причастного сказуемого в зависимом предложении (см. о них [Пичахдзе 2020]) здесь отсутствуют. Правильным поэтому кажется разделять проблемную последовательность на два слова, вычленив в ней имя собственное в именительном падеже и аорист. Словоизменения может быть произведен дwoяко: *Поца налася* или *Почана лася*. В первом случае мы имеем дело с прозвищем *Поча*, которое может быть сопоставлено с сев.-в.-р. *поча* ‘низкое, заливаемое водой место, болото, старое речное русло’ и др. [СРНГ, 30: 371], или с распространенным именем *Почай* с графически не выраженным *j*. В таком прочтении придаточное предложение означает ‘когда Поча (или Почай) нанялся’. При выборе второй возможности перед нами записанное также без обозначения *j* имя *Почайна* (ср. идентичный гидроним, а также имя *Чайна* в былине о Хотене Блудовиче). В этом случае фразу можно перевести ‘когда Почайна обязалась’ (ср. *ятися по дань* и подобные выражения). Заметим, что при обеих трактовках прагматика записи может быть понята одинаково: ссылка на имевший место факт найма или некоего (финансового?) обязательства выступает как форма фиксации соответствующей договоренности, для чего поле литургического кодекса представляет вполне подходящее место (ср. известную практику вписывания на полях церковных книг текстов актового содержания).

И. И. Срезневский датировал почерк записи Бесстроа XIV в., А. А. Покровский полагал, что эта запись древняя, но, возможно, подновлена в XIV в., а в «Сводном каталоге» 1984 г. и в каталоге

1988 г. запись датирована XIII/XIV в. и атрибутирована тому, кто наводил (подновлял) текст триоды [СК XI—XIII: 87, № 49]. Некнижный характер письма записи Бесстрога делает возможным применение для ее датировки методики А. А. Зализняка. Формально она может быть широко датирована интервалом [1100—1280], предпочтительно [1140—1220]¹⁰. Сохранение в тексте записи всех слабых редуцированных, включая <ь> в *песахъ* <ь> *пъсахъ*, склоняет в пользу ее датировки XII в.

Загадка об алтаре и церкви, несомненно, была внесена в триодь до появления записи Бесстрога, то есть может быть датирована временем между концом XI и концом XII в.

Вернувшись к тексту загадки, отметим главное отличие его новгородской фиксации от граффито Софии Киевской — иную синтаксическую структуру второй части, представляющей собой сложно-подчиненное предложение с условным придаточным. Эту структуру следует признать первоначальной — хотя бы потому, что в таком виде загадка получает отгадку: ледяная церковь — это тело человека, а «пламенный алтарь» (то есть пламенеющий на алтаре огонь) — его душа или жизнь, с исходом которой (*оже олтарь угаснет*) истлевет и тело (*то и църкы растает*). В такой интерпретации загадка на стене Софии Киевской действительно оказывается своего рода комментарием к находящемуся рядом рисунку, относящимся, однако, не к отдельному атрибуту — свечам, а к самому образу огня на алтаре.

Сложная метафора, лежащая в основе этой загадки о человеке, возникает на пересечении нескольких идей. Одна из них уже упоминалась — это новозаветная концепция тела как храма Господня. С инверсией означаемого и означающего этот образ лег в основу известного в византийской экклесиологии антропоморфного представления Церкви, следующим образом сформулированного в четвертой главе «Мистагогии» Максима Исповедника: «По иному способу созерцания, Святая Церковь Божия есть человек; алтарь в ней представляет душу, Божественный жертвенник — ум, а храм — тело»¹¹. На это уподобление души алтарю, а тела — храму как церковному зданию, в загадке накладывается другая, более фундаментальная ме-

¹⁰ Датирующие признаки: графика: $\bar{o} \rightarrow o$ (фонд $\geq 3 \times$) 1100 > (1140—1400); $\bar{d}, \bar{l}, \bar{a}$, \bar{a} регулярно с покрытием <1280, з 3 «перелом хвоста» (1140—1340), \bar{p} II «углом вверх» <1380 (<1280); язык: редуцированные сохранены <1220 (1×).

¹¹ [PG, 91: col. 672]. Перевод А. И. Сидорова [1993: 160].

тафизическая идея, уходящая корнями к истокам первобытной религии, — представление об огненной природе божества и человеческой души¹². Завершает семантическую конструкцию загадки антитеза льда и пламени, которая, в силу возникающей пропорции, делает образным коррелятом покинутого душой тела человека тающий лед. Возникают, таким образом, следующие ряды соответствий: *душа ~ алтарь ~ огонь, тело ~ церковь ~ лед*.

Элементы, образующие эти триады, встречаются и связанные попарно. В то время как в процитированном фрагменте из «Мистагогии» фигурируют пары *церковь ~ тело, алтарь ~ душа*, в приведенном выше пассаже из «Сказания Анфилога» представлены корреляции *церковь ~ лед, алтарь ~ огонь*. Загадка, в которой две образные идеи выступают в комбинации между собой, связанные мыслью об огненной природе души, могла возникнуть как результат рефлексии над этими или подобными текстами. Поскольку древний славянский перевод «Мистагогии», по-видимому, отсутствовал, можно думать, что прототип загадки сложился уже на византийской почве.

На Русь загадка об алтаре и церкви попала, скорее всего, через южнославянское посредство. На это указывает яркий южнославянизм в ее новгородской версии — суффикс *-ьн-* в прилагательных *пламънь* и *л<e>дъна* в соответствии с древнерусским *-ан-* в киевском граффито: *пламань, ледана*. В остальном язык записи предсказуемо демонстрирует восточнославянские черты, как входящие в норму древнерусского извода церковнославянского языка (рефлекс сочетания редуцированного с плавным: *църькы*, окончание *-ть* в 3 л.: *растает^b*), так и находящуюся вне ее (союз *оже*). При такой степени русифицированности языка крайне маловероятно, чтобы суффикс *-ьн-*, который в церковнославянских памятниках русского извода очень рано и последовательно вытесняется вост.-слав. *-ан-* [Дурново 2000 (1927): 548–551], появился под пером новгородского писца.

¹² Специально об этой идее, ее религиозных, философских и поэтических преломлениях — от Гераклита до Пушкина, см. [Гершензон 1922]. Приведем отсюда две формулировки. «[Д]уша есть огонь, хотя и высшего качества, большего горения, чем физический огонь, но по сущности однородный с ним» (с. 148). «Общую мысль Пушкина можно выразить так: жизнь, или — что то же — душа человека, есть огонь, но души и в целом несходны между собой по силе горения, и каждая отдельная душа горит то сильнее, то слабее» (с. 34). Вторая формулировка, несмотря на кажущуюся анахроничность, снимает неизбежно возникающий вопрос, идет ли речь в нашей загадке о душе или жизни человека.

На Руси были широко распространены загадки на религиозные темы, связанные своим происхождением с латинскими и греческими *Josa monachorum*. Наибольшее число загадок известно по апокрифической «Беседе трех святителей», вопросно-ответному сборнику сложной текстуальной истории и неустойчивого состава, однако отдельные загадки регулярно встречаются в виде маргиналий на полях рукописей и на стенах древнерусских храмов¹³. В статье 2013 г. мы осторожно предположили южнославянское происхождение загадки о петухе, представленной в граффито второй половины XII–XIII в. из церкви Бориса и Глеба в белорусском Новогрудке. Отгадкой к новогрудской загадке — судя по созвучию с читающимся в ней словом *теплъ* — должно было служить южнославянское название петуха — *птьльъ*. Такие южнославянские следы в древнерусских христианских загадках указывают на их общий, по-видимому, весьма древний источник.

Рукописи

Российский государственный архив древних актов (Москва), ф. 381 (собрание рукописей библиотеки Московской синодальной типографии), № 138. Пергамен, 1^о, 173 л. Рукопись изучена de visu. Полная фотокопия рукописи доступна на сайте РГАДА (URL: http://rgada.info/kueh/index2.php?str=381_1_138). Описания: [СК XI–XIII: 87–88, № 49; Каталог ЦГАДА: 49–51, № 10].

Издания источников

PG, 91 — *Patrologiae cursus completus. Ser. graeca 1: Patrologia graeca. T. 91: S. Maximus Abbas, Thalassius Abbas, Theodorus Rhaituensis* / Ed. J.-P. Migne. D’Amboise, 1865.

Словари и справочники

Каталог ЦГАДА — Каталог славяно-русских рукописных книг XI–XIV вв., хранящихся в ЦГАДА СССР. В 2-х ч. М., 1988.
 СК XI–XIII — Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР: XI–XIII вв. М., 1984.
 СРНГ, 30 — Словарь русских народных говоров. Вып. 30: Поприугомонить — Почестно. СПб., 1996.

¹³ См. [Калугин 1995: 120–121; Гиппиус, Михеев 2013].

Литература

- Высоцкий 1962 — С. А. *Высоцкий*. Древнерусские граффити Софии Киевской // Нумизматика и эпиграфика. III. М., 1962. С. 147–182.
- Высоцкий 1966 — С. А. *Высоцкий*. Древнерусские надписи Софии Киевской. Вып. I: XI–XIV вв. Киев, 1966.
- Гершензон 1922 — М. *Гершензон*. Гольфстрем. М., 1922.
- Гиппиус, Михеев 2013 — А. А. *Гиппиус*, С. М. *Михеев*. Две древнерусские загадки XII–XIII веков из Новгорода и Новогрудка // Храм і люди: Збірка статей до 90-річчя з дня народження Сергія Олександровича Висоцького. Київ, 2013. С. 81–89.
- Глебова 2015 — Д. [С.] *Глебова*. «Церковь ледяна, а алтарь огнен»: к вопросу об источниках Сказания Анфилога царя о святой литургии // Русь и Центральная Европа в XI–XIV веках: Материалы V Международной научной конференции, Спишская капитула, 16–18 октября 2014 г. Краков; Братислава, 2015 (= Colloquia Russica. Ser. I. T. 5). С. 79–87.
- Дурново 2000 (1927) — Н. Н. *Дурново*. Спорные вопросы общеславянской фонетики. 2: Гласные из *ep*, *et* перед носовыми в общеславянском // Н. Н. *Дурново*. Избранные работы по истории русского языка. М., 2000. С. 542–565.
- Зализняк 2000 — А. А. *Зализняк*. Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование // В. Л. *Янин*, А. А. *Зализняк*. Новгородские грамоты на бересте. Т. X: (Из раскопок 1990–1996 гг.). Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. М., 2000. С. 134–429.
- Зализняк 2015 — А. А. *Зализняк*. Коррективы к таблицам внестратиграфического датирования // В. Л. *Янин*, А. А. *Зализняк*, А. А. *Гиппиус*. Новгородские грамоты на бересте. Т. XII: (Из раскопок 2001–2014 гг.). М., 2015. С. 276–278.
- Калугин 1995 — В. В. *Калугин*. Отношение к книге в Древней Руси (По материалам псковских записей XIV в.) // Записки Отдела рукописей [Российской государственной библиотеки]. Вып. 50. М., 1995. С. 104–122.
- Корниенко 2009 — В. В. *Корниенко*. Граффити — молитвы к Сорока святым мученикам в крещальне Софийского собора: К проблеме изучения культов святых в Киевской Руси // Софійські читання. Вип. 4: Матеріали IV міжнародної науково-практичної конференції «Пам'ятки Національного заповідника “Софія Київська”: культурний діалог поколінь» (м. Київ, 25–26 жовтня 2007 р.). Присвячено 990-річчю першої літописної згадки про Софію Київську (1017–2007 р.). Київ, 2009. С. 218–242.

- Корнієнко 2016 — В. В. Корнієнко. Корпус графіті Софії Київської (XI — початок XVIII ст.). Ч. VII. Т. 1: Західна зовнішня галерея. Київ, 2016.
- Лифшиц 2006 — Л. И. Лифшиц. Росписи апсиды «Крещальни» Софийского собора в Киеве: К вопросу о датировке // *Софія: Сборник статей по искусству Византии и Древней Руси в честь А. И. Комеча*. М., 2006. С. 249–274.
- Михеев 2019 — С. М. Михеев. Минеи двух Домок: Еще раз о писцах служебных миней из новгородского Лазарева монастыря // *Slověne = Словѣне*. Vol. 8. № 2. 2019. С. 7–56.
- Німчук 1988 — В. В. Німчук. Давньокиївські написи — пам'ятки літератури XI–XIII ст. // *Писемність Київської Русі і становлення української літератури: Збірник наукових праць*. Київ, 1988. С. 24–32.
- Пичхадзе 2020 — А. А. Пичхадзе. Славянское причастие-сказуемое в зависимых предикациях // *Очерки древнерусского и старорусского синтаксиса*. СПб.; М., 2020. С. 256–285.
- Покровский 1916 — А. А. Покровский. Древнее псковско-новгородское письменное наследие: Обзорение пергаменных рукописей Типографской и Патриаршей Библиотек в связи с вопросом о времени образования этих книгохранилищ. М., 1916.
- Рождественская 1992 — Т. В. Рождественская. Древнерусские надписи на стенах храмов: Новые источники XI–XV вв. СПб., 1992.
- Росовецький 2008 — С. К. Росовецький. Український фольклор у теоретичному висвітленні: Підручник. Київ, 2008.
- Рыбаков 1963 — Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963.
- Сидоров 1993 — Творения преподобного Максима Исповедника. Кн. I: Богословские и аскетические трактаты / Пер., вступ. ст. и комментарии А. И. Сидорова. М., 1993.
- Срезневский 1882 — И. И. Срезневский. Древние памятники русского языка и письма (X–XIV веков). Общее повременное обозрение. 2-е изд. СПб., 1882.
- Столярова 2010 — Л. В. Столярова. Глава 7. Центры изготовления книг в Древней Руси // *Л. В. Столярова, С. М. Каштанов. Книга в Древней Руси (XI–XVI вв.)*. М., 2010. С. 169–244.